DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-197-201
УДК 94(47)084.3

Революционные трибуналы в системе антикрестьянского террора (1918–1921 гг.)

Виктор Васильевич НИКУЛИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-0434>, e-mail: viktor.nikulin@mail.ru

Revolutionary tribunals in the anti-peasant terror system (1918–1921)

Viktor V. NIKULIN

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-0434>, e-mail: viktor.nikulin@mail.ru

Аннотация. Раскрыты формы, методы и особенности участия революционных трибуналов в антикрестьянских акциях, проводившихся властью в 1918–1921 гг., в том числе и в отношении участников антоновского восстания. Проанализированы значение и роль трибуналов как специфических видов особых судов в реализации политики властей в отношении крестьянства. Утверждено, что революционные трибуналы занимали в системе антикрестьянского террора свое определенное место и осуществляли свои специфические функции, выполняя задачу формально – юридическую легитимизацию неструктурированного насилия в отношении крестьян. Проанализирован процесс усиления репрессивности трибуналов на фоне резкого роста антисоветских проявлений со стороны крестьянства, что в конечном счете вылилось в антикрестьянский террор. Задача революционных трибуналов как институционального инструмента антикрестьянского террора заключалась в правовой легализации репрессий против крестьянства. Раскрыта роль трибуналов в преследовании дезертиров, основную массу которых опять же составляли крестьяне. Утверждено, что ревтрибуналам были предоставлены широчайшие конфискационные права в отношении дезертиров и процесс их реализации. Значительное внимание уделено деятельности революционных трибуналов в период подавления крестьянского восстания на Тамбовщине, в частности, тамбовского революционного военного трибунала, который был параллельной структурой территориального революционного трибунала, находившегося в ведении Реввоенсовета Республики.

Ключевые слова: революция; террор; трибуналы; крестьянство; контрреволюция; восстание; репрессии

Для цитирования: *Никулин В.В.* Революционные трибуналы в системе антикрестьянского террора (1918–1921 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 189. С. 197–201. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-197-201

Abstract. We reveal the forms, methods and features of the participation of revolutionary tribunals in anti-peasant actions carried out by the authorities in 1918–1921, including against the participants in the Antonov revolt. We analyze the significance and role of tribunals as specific types of special courts in the implementation of the authorities' policy towards the peasantry. It is argued that the revolutionary tribunals occupied their definite place in the system of anti-peasant terror and carried out their specific functions, fulfilling the task of formally legalizing unstructured violence against peasants. We analyze the process of increasing the repressiveness of the tribunals against the background of a sharp increase in anti-Soviet manifestations on the part of the peasantry, which ultimately resulted in anti-peasant terror. The task of the revolutionary tribunals as an institutional instrument of anti-peasant terror was to judicially legalize repression against the pea-

santry. The role of the tribunals in the prosecution of deserters, the bulk of whom were again peasants, is revealed. It is argued that the revolutionary tribunals were granted the broadest confiscation rights against deserters and the process of their implementation. Considerable attention is paid to the activities of the revolutionary tribunals during the suppression of the peasant revolt in the Tambov region, in particular the Tambov revolutionary military tribunal, which was a parallel structure of the territorial revolutionary tribunal, which was under the jurisdiction of the Revolutionary Military Council of the Republic.

Keywords: revolution; terror; tribunals; peasantry; counter-revolution; revolt; repression

For citation: Nikulin V.V. *Revolutsionnyye tribunaly v sisteme antikrest'yanskogo terrora (1918–1921 gg.)* [Revolutionary tribunals in the anti-peasant terror system (1918–1921)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 189, pp. 197–201. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-189-197-201 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Революционный террор выступает неизбежным спутником любой революции, являясь инструментом предупреждения и подавления ее противников. Для реализации террора создаются специальные институты, деятельность которых направлена на устрашение и подавление противников революционной власти. В советской России такими органами стали ВЧК и революционные трибуналы. Они были легитимизированы государством, включены в систему органов государственной власти, организованы по принципу иерархии. Их функциональность линейна – подавление противников режима. Революционные трибуналы занимали в системе террора свое определенное место и осуществляли свои специфические функции, будучи по правовому статусу специфическим видом особых судов, призванные чрезвычайными методами подавлять контрреволюцию.

Активный процесс создания ревтрибуналов начался с января 1918 г., и к маю 1918 г. ими покрылась вся территория РСФСР. Более или менее внятная концепция трибуналов была сформулирована в Декрете СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г.¹ Основная идея состояла в том, что народные суды – это органы правосудия, а трибуналы – органы расправы, где проблема вины, доказательств не имела значения, уступая место революционной целесообразности.

Рубежным в усилении репрессивности трибуналов стал июнь 1918 г., когда постановлением НКЮ от 3 июня 1918 г. устанавливалось, что революционные трибуналы не связаны никакими ограничениями в борьбе с

контрреволюцией². Приговоры выносились трибуналом, основываясь на руководстве исключительно «интересами пролетарской революции», являлись окончательными и обжалованию не подлежали, одновременно они наделялись правом применения высшей меры наказания – расстрела. Придание особого статуса окончательно придали трибуналам характер органа, соответствующего чрезвычайной ситуации, они окончательно были встроены в систему террора.

Усиление репрессивности трибуналов обуславливалось резким ростом антисоветских проявлений, причем основная часть этих проявлений исходила от крестьянства. Переход к чрезвычайной экономике в форме продразверстки и методы ее реализации поставили крестьянство в оппозицию к большевикам, породив массовые крестьянские выступления. Первые антисоветские выступления начинаются в июле 1918 г. в Тамбовской, Воронежской, Тульской, Нижегородской и других губерниях. Крестьяне были доведены до отчаяния бесчисленными поборами и испытывали ненависть к власти. Не случайно во время рейда по Тамбовщине генерала К.К. Мамонтова в августе 1919 г. его встречали хлебом-солью и колокольным звоном, власть же показала свою растерянность и беспомощность, а вся система власти рухнула в одночасье [1, с. 210–211].

Ответом властей стала эскалация насилия в отношении крестьян, которая в конечном итоге вылилась в антикрестьянский террор. Задача революционных трибуналов, как институционального инструмента антикрестьянского террора, заключалась в правовой

¹ Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 35. Ст. 471.

² Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1918. Вып. 2. С. 7.

легализации репрессий против крестьянства. Стали создаваться особые сессии ревтрибуналов, призванные бороться с любыми проявлениями нарушения государственной продовольственной монополии. Трибуналы выносили решения в отношении крестьян на основании таблицы подсудности, разработанной НКЮ в июле 1919 г. На первом месте стоял саботаж, под которым понималось активное противодействие правительству или призывы к этому путем неисполнения декретов и иных постановлений советской власти. Вынесение на первое место саботажа было не случайным, ибо именно неисполнение решений было наиболее доступной и часто встречающейся формой сопротивления крестьян продразверстке³.

Активна была роль трибуналов в преследовании дезертиров, основную массу которых опять же составляли крестьяне. Дезертирство приобрело огромные размеры, за период с октября 1918 г. по апрель 1919 г. из мобилизованных 3 млн человек не явились на призывные пункты 917 тысяч человек (более 30 %) [2, с. 109]. Например, в Тамбовской губернии в 1919 г. насчитывалось более ста тысяч лиц, скрывающихся от призыва. Призывы нередко сопровождались восстаниями. В октябре 1918 г. произошло восстание мобилизованных унтер-офицеров в Тамбовском уезде, затем восстания мобилизованных в Лебедяни, Знаменке, Шацке, Борисоглебске, при подавлении которых по приговору трибуналов были расстреляны сотни человек. Ревтрибуналам предоставлялись широчайшие конфискационные права в отношении дезертиров: конфискация всего имущества или части его; лишение навсегда или на срок земельного надела или части его (сад, огород, покос), денежные штрафы⁴. На практике варьировались различные наказания: от дисциплинарного взыскания до расстрела. Так, Тамбовский губернский революционный трибунал только с 15 ноября 1919 г. по январь 1920 г. рассмотрел 114 дел о дезертирстве. Из них за уклонение от службы, сопровождавшееся подделкой документов, приговорено к расстрелу 11 человек, в штрафные части – 47, тюремному заключению с принудительными работами – 23, ус-

ловному лишению свободы – 16, оправдано – 34⁵.

Особой жесткостью отличалась деятельность революционных трибуналов в период подавления крестьянского восстания («антоновщины») в 1919–1921 гг. В период восстания на территории Тамбовской губернии, на основе объявления губернии на осадном положении, действовали революционные военные трибуналы. Они были параллельной структурой территориальных революционных трибуналов и функционировали на основании Положения о революционных военных трибуналах от 4 февраля 1919 г. Они находились в ведении Реввоенсовета Республики и подчинялись во всех аспектах деятельности и решения практических вопросов Л.Д. Троцкому как председателю Реввоенсовета [3, с. 76].

На основании приказа Л.Д. Троцкого в ноябре 1920 г. для борьбы с «антоновщиной» был сформирован Тамбовский ВРТ⁶. С января 1921 г. на территории Тамбовской губернии функционировал Тамбовский отдел РВТ на правах армейского трибунала с подчинением ревтрибуналу Орловского военного округа, который возглавил член Реввоен трибунала Республики В.В. Ульрих. Срок полномочий отдела был определен «до полной ликвидации Антоновского мятежа. Подсудности Военного трибунала подлежали все дела о военнослужащих, а также граждане, уличенные в сотрудничестве с мятежниками» [4]. При каждом боевом участке создавались выездные сессии военного трибунала, призванные, согласно приказу Реввоен трибунала от 22 января 1921 г., уничтожать мятежников «без всяких долгих разговоров». Следствие и судопроизводство велось самым упрощенным способом. Приговор к расстрелу приводился в исполнение в течение 48 часов. В.В. Ульриху предоставлялись чрезвычайные полномочия⁷. Вскоре проявились все симптомы неуправляемости террора в исполнении трибуналов. Так, в г. Моршанск расстрелы стали приводить в исполнение публично, на центральной площади города, что вызвало крайне негативную реакцию населения. При-

⁵ ГАТО. Ф. Р. 5201. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁶ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1030. Л. 27.

⁷ Там же. Д. 1037. Л. 69.

³ Ежедневник советской юстиции. С. 56.

⁴ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-648. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

казом РВТ при Революционном военном совете Республики от 3 февраля 1921 г. попытались поставить ограничения жесткости репрессивных мер. Согласно приказу, из участников банд Антонова подлежали безусловному расстрелу только определенные категории, хотя и этот перечень был достаточно широк: руководители, инициаторы и вдохновители, командные составы, непосредственные виновники гибели коммунистов и ответственных работников и т. п. К остальным участникам мятежа рекомендовалось применять расстрел осторожно, учитывая в каждом отдельном случае классовое происхождение, имущественное положение и степень развития⁸. В приказе особо оговаривались меры против мародерства военнослужащих, участвовавших в подавлении мятежа. Мародерство приняло массовый и систематический характер, озлобляя население до крайности. Армия и повстанцы кормились за счет крестьян. В результате у крестьян не оставалось ничего. Приказом все лица, уличенные в мародерстве, привлекались к суровой ответственности, вплоть до расстрела⁹.

Приговоры трибуналов в отношении крестьян отличались особой жесткостью. Так, только за период с 11 февраля по 6 апреля 1921 г. выездной сессией сибирской кавалерийской дивизии, участвовавшей в подавлении восстания, к расстрелу были приговорены 109 человек. К долговременным срокам лишения свободы – 48 человек, к концлагерю – 18 человек¹⁰. Военный трибунал, наряду с ЧК, воинскими частями, принимал активное участие в массовых акциях устрашения крестьян и «воздействия на бандитов», проводившихся крайне цинично и безжалостно.

Активную роль играли ревтрибуналы в сборе натуральных налогов. При каждом губернском Ревтрибунале были учреждены особые постоянные сессии для разбора дел о нарушениях законов и постановлений о натуральных продовольственных и иных налогах как плательщиками, так и должностными

лицами и учреждениями (бездействие и превышение власти)¹¹. Созданы они были на основании и развития статьи 6-й основного Положения о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г.¹². Судопроизводство было упрощенным и проводилось в течение 24 часов, без сторон и свидетелей. Постоянные сессии, помимо репрессий общего характера, могли приговаривать обвиняемых к дополнительным видам наказаний: внесению налога в 2-кратном размере; конфискации имущества полностью или частично; лишению земельных наделов. На основании статьи 29-й Положения о ревтрибуналах можно было приговор в части, касающейся имущественного взыскания, привести в исполнение в виде лишения свободы¹³.

При анализе деятельности революционных трибуналов при подавлении крестьянских выступлений неизбежно встает вопрос, в какой степени формальный закон присутствовал в их деятельности. Очевидно, что большевики при проведении антикрестьянского террора пытались опираться на формальную легитимность и морально-идеологически обосновать необходимость своих жестких действий. Однако революционные трибуналы подчинялись не праву в полном смысле этого понятия, а революционным законам, суть которых состояла в самосохранении революции, что вело к необузданности антикрестьянского террора.

Революционные трибуналы стали органической частью антикрестьянского террора наряду с ВЧК, но необходимо подчеркнуть, что они при этом играли все-таки вторичную роль, их функция в основном ограничивалась легализацией решений ВЧК и тем самым придавала массовому террору форму законности. В целом террор в отношении крестьянства в 1918–1920 гг. носил характер неструктурированного насилия, которое не имело четко установленных правил, было спонтанно и непредсказуемо по своим последствиям.

⁸ ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1037. Л. 30.

⁹ Там же. Д. 1051. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 1030. Л. 43, 50, 51.

¹¹ ГАТО. Ф. Р. 5201. Оп. 1. Д. 57. Л. 213.

¹² Известия ВЦИК. 1920. 27 марта. С. 15.

¹³ Сборник приказов Революционного военного совета Республики. М., 1920. № 47. С. 27.

Список литературы

1. Никулин В.В. Российская революция и право. Генезис и становление советской правовой системы. 1917–1920 гг. М.: Юстицинформ, 2020. 244 с.
2. Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 108-115.
3. Левшин К.В. Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны: (по материалам Северо-Запада России). СПб.: Нестор-История, 2016. 360 с.
4. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: «Антоновщина»: Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. Тамбов, 1994. 332 с.

References

1. Nikulin V.V. *Rossiyskaya revolyutsiya i pravo. Genezis i stanovleniye sovetskoj pravovoy sistemy. 1917–1920 gg.* [Russian Revolution and Law. Genesis and Formation of the Soviet Legal System. 1917–1920]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2020, 244 p. (In Russian).
2. Ovechkin V.V. *Dezertirstvo iz Krasnoy armii v gody Grazhdanskoj voyny* [Desertion from the Red Army during the Civil War]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2003, no. 3, pp. 108-115. (In Russian).
3. Levshin K.V. *Dezertirstvo v Krasnoy armii v gody Grazhdanskoj voyny: (po materialam Severo-Zapada Rossii)* [Desertion in the Red Army during the Civil War: (based on Materials from the North-West of Russia)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, 360 p. (In Russian).
4. Danilov V., Shanin T. (eds.). *Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy gubernii v 1919–1921 gg.: «Antonovshchina»: Dokumenty i materialy* [Peasant Revolt in the Tambov Governorate in 1919–1921: “Antonovshchina”: Documents and Materials]. Tambov, 1994, 332 p. (In Russian).

Информация об авторе

Никулин Виктор Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право». Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: viktor.nikulin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-0434>

Поступила в редакцию 19.08.2020 г.
 Поступила после рецензирования 16.09.2020 г.
 Принята к публикации 20.10.2020 г.

Information about the author

Viktor V. Nikulin, Doctor of History, Professor, Professor of “Constitutional and Administrative Law” Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: viktor.nikulin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-0434>

Received 19 August 2020
 Reviewed 16 September 2020
 Accepted for press 20 October 2020